

poly s toria

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4
Х24

<https://elibrary.ru/ghhjjf>

Серия основана в 2020 г.

Редакционный совет серии:

Михаил Бойцов (председатель), *Андрей Виноградов*, *Олег Воскобойников*,
Дмитрий Бовыкин, *Федор Успенский*, *Рустам Шукуров*

Дизайн серии: ABCdesign

Автор:

Чарльз Хаскинс

Перевод с английского:

Кирилл Главатских, *Иван Мажаяев*, *Дарья Лихачёва*, *Алёна Амосова*

под общей редакцией

Кирилла Главатских и Ивана Мажаяева

Научный редактор перевода:

Олег Воскобойников

Иллюстрация на обложке — верхняя половина фронтисписа трактата Гильома Коншского
Dragmaticon philosophiae. <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Dragmaticon.jpg>

Перевод выполнен по изданию: *Charles H. Haskins. The Renaissance of the Twelfth Century*
(Harvard University Press, 1927)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики

<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2714-6

ISBN 978-5-7598-2714-6 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4095-4 (e-book)
ISBN 0-674-76075-1 (англ.)

© Перевод с английского. Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2025

Оглавление

- 6 ПРЕДИСЛОВИЕ
- 9 Глава I. Исторический контекст (пер. *Кирилла Главатских, Ивана Мажаяева*)
- 29 Глава II. Центры интеллектуальной жизни (пер. *Ивана Мажаяева*)
- 57 Глава III. Книги и библиотеки (пер. *Ивана Мажаяева*)
- 75 Глава IV. Возрождение латинских классиков (пер. *Кирилла Главатских*)
- 100 Глава V. Латинский язык (пер. *Ивана Мажаяева*)
- 120 Глава VI. Латинская поэзия (пер. *Кирилла Главатских, Дарьи Лихачёвой*)
- 154 Глава VII. Возрождение юриспруденции (пер. *Кирилла Главатских*)
- 177 Глава VIII. Историописание (пер. *Ивана Мажаяева*)
- 218 Глава IX. Переводчики с греческого и арабского (пер. *Кирилла Главатских*)
- 235 Глава X. Возрождение науки (пер. *Кирилла Главатских*)
- 262 Глава XI. Возрождение философии (пер. *Ивана Мажаяева*)
- 281 Глава XII. Возникновение университетов (пер. *Ивана Мажаяева, Алёны Амосовой*)

Предисловие

Название этой книги может показаться многим вопиюще противоречивым. Ренессанс в XII веке? Разве Средневековье, эта эпоха невежества, застоя и мрака, не контрастирует резко со светом, прогрессом и свободой последовавшего итальянского Ренессанса? Каким образом в Средние века могло возникнуть Возрождение, если людей не интересовали ни радость, ни красота, ни знания об этом преходящем мире, а взгляд их был прикован к ужасам мира грядущего? И не резюмирует ли весь этот период зарисовка Саймондса о святом Бернарде, безразличном к красотам озера Леман, «склонившем отягощенный раздумьями лоб над шеей своего мула», — типичная картина эпохи, когда «человечество, словно осторожный пилигрим, поглощенное ужасами греха, смерти и суда, шло по дорогам мира и едва ли понимало, что оно достойно внимания или что жизнь — это благословение»?

Ответ заключается в том, что непрерывность истории отвергает столь резкие и грубые контрасты следующих друг за другом периодов, и современные исследования показывают нам, что Средневековье было менее мрачным и менее статичным, а Ренессанс — не таким ярким и менее внезапным, чем предполагалось раньше. Средневековье предьявляет жизнь, цвет и перемены, страстный поиск знания и красоты, множество творческих достижений в искусстве, литературе и институтах. Итальянскому Ренессансу предшествовали аналогичные, хотя и менее масштабные движения. Действительно, он выходил из Средневековья настолько постепенно, что историки не пришли к единому мнению, когда же он начался, и некоторые могли зайти так далеко, что отменили бы название и, возможно, даже сам факт возрождения в эпоху Кватроченто.

Настоящая книга посвящена наиболее важному из этих ранних возрождений, Ренессансу XII века, который часто называют Средневековым ренессансом. Этот век, тот самый век святого Бернарда и его мула, был во многих отношениях временем новой и активной жизни. Эпоха Крестовых походов, роста городов и самых первых бюрократических государств Запада ознаменовалась кульминацией романского искусства и зарождением готики, появлением народной литературы и

возрождением латинской классики, поэзии и римского права, возвращением греческой науки с ее арабскими дополнениями и значительной части греческой философии, а также возникновением первых европейских университетов. XII век оставил свою подпись под высшим образованием, схоластической философией, европейскими правовыми системами, архитектурой и литературой, литургической драмой, латинской и народной поэзией. Такая тема слишком широка для одной книги или одного автора. Соответственно, поскольку искусство и народная литература данного периода более известны, мы ограничимся латинской стороной этого возрождения — возрождением образования в самом широком смысле; а именно — латинской классикой и ее влиянием, новой юриспруденцией и более разнообразной историографией, новыми знаниями греков и арабов и их влиянием на западную науку и философию, а также новыми учебными заведениями. И все это — на основе рассмотрения культурных очагов и артефактов столетия. Отсутствие какой-либо другой работы по этой общей теме послужит автору оправданием за его попытку дать набросок, где многое неизбежно должно основываться на информации из вторых рук.

Некоторые части книги являются результатом независимых исследований автора, более полно изложенных в его «Исследованиях по истории средневековой науки» (второе издание, Кембридж, 1927) и в аналогичном томе «Исследований по средневековой культуре», который в настоящий момент находится в процессе подготовки. В остальном читателю следует обратиться к библиографическим справкам в конце некоторых глав с напоминаниями о том, что большинство этих тем еще ждет своих исследователей. Тематический порядок представляется предпочтительнее биографического или географического. И хотя индексирование частично устраняет возникающее неудобство, связанное с дроблением повествования об отдельных персонажах и странах, в то же время есть надежда, что участие основных стран в этом процессе показано достаточно ясно, а самобытность таких фигур, как Абельяр, Иоанн Солсберийский и латинские поэты, удалось сохранить.

За критическое прочтение отдельных частей рукописи я выражаю благодарность моим коллегам, господам Э.К. Рэнду, К.Х. Макилвейну и Джорджу Сартону, а также М. Этьену Жильсону из Сорбонны. На всех более поздних этапах создания книга обязана точным знаниям и

здравому суждению мистера Джорджа У. Робинсона, секретаря Высшей школы искусств и наук Гарвардского университета. Я также рад выразить признательность мисс Ирме Х. Рид, доктору Джосае К. Расселу и в особенности миссис Маргарет Г. Комиски. Их помощь во многом продвинула мои труды и спасла меня от многих ошибок и упущений.

Чарльз Г. Хаскинс
Кембридж, Массачусетс,
январь 1927 года

Глава I

Исторический контекст

Европейское Средневековье представляет собой сложную, разнообразную и в то же время значимую эпоху в истории человечества. На протяжении тысячелетия оно охватывало разные народы, институты и типы культуры, явившие нам множество вариантов исторического развития и истоки многих этапов истории современной цивилизации. Контрасты Востока и Запада, Севера и Средиземноморья, старого и нового, священного и мирского, идеального и реального наполняют этот период жизнью, колоритом и движением, в то время как его тесная связь с древностью и современностью обеспечивает ему место в непрерывной истории человеческого развития. Преемственность и изменения характерны для Средневековья, как, впрочем, и для всех великих исторических эпох.

Такая концепция противоречит широко распространенным представлениям, популярным не только среди людей несведущих, но и среди тех, кому бы следовало разбираться лучше. Для них Средние века — синоним всего однообразного, статичного и непрогрессивного. «Средневековое» связывается с чем-то, что уже пройдено, и, как напоминает нам Бернард Шоу, даже модные пластинки предыдущего поколения называют «средневековыми». Варварство готов и вандалов распространилось на последующие столетия, даже на ту «готическую» архитектуру, которая стала одним из главных достижений творческого гения человечества. Невежество и суеверность этого времени противопоставляют просвещенности эпохи Возрождения, но при этом странным образом забывают о расцвете алхимии и демонологии на протяжении всего этого последующего периода. Словосочетание «Темные века» характеризует все, что происходило приблизительно между 476 и 1453 годами. Даже те, кто понимает, что Средние века не были «темными», часто представляют их себе однообразными, по крайней мере их центральный период, примерно с 800 по 1300 год, выделяющийся грандиозными средневековыми институтами феодализма, церкви и схоластики, период, который оказался посередине между двумя более динамичными эпохами. Такой взгляд игнорирует неравномерное

развитие разных частей Европы, большие экономические изменения в ту эпоху, приток новых знаний с Востока, меняющиеся течения в потоке средневековой жизни и мысли. В частности, в интеллектуальном плане из виду упускаются средневековое возрождение латинской классики и юриспруденции, расширение знаний за счет наблюдения и усвоения античного наследия, творческие достижения этих веков в области поэзии и искусства. Во многих отношениях различного между Европой 800 года и Европой 1300 года больше, чем общего. Аналогичные контрасты, хотя и в меньшем масштабе, можно обнаружить между культурами VIII и IX веков, между условиями 1100 и 1200 годов, между предшествующей эпохой и новыми интеллектуальными течениями XIII и XIV веков.

Для удобства сегодня принято обозначать «ренессансами» такие движения, как Каролингский ренессанс, Оттоновский ренессанс, Ренессанс XII века, — по аналогии со словосочетанием, однажды закрепленным исключительно за итальянским Ренессансом XV века. Некоторые, правда, вовсе отказались бы от слова «ренессанс», поскольку оно передает ложные представления о внезапных переменах и самобытной культуре XV века и в целом подразумевает, что когда-либо может произойти настоящее возрождение какого-либо прошлого. Мистер Генри Осборн Тейлор, кажется, гордится тем, что написал двухтомник «Мысль и выражение в шестнадцатом веке»¹, ни разу не используя это запретное слово. Тем не менее можно усомниться в том, что данный термин больше подвержен неправильному толкованию, чем другие, такие как, например, Кватроченто или XVI век. К тому же он настолько удобен и так хорошо зарекомендовал себя, что, если бы его не существовало, нам бы пришлось его изобрести — подобно Австрии². Итальянский Ренессанс действительно был, как бы мы его сейчас ни называли. И мы ничего не получим от приписывания гомеровских поэм другому автору с тем же именем. Но — и это мы должны признать — великое Возрождение было не настолько уникальным и не имело такого решающего значения, как предполагалось. Культурный контраст был не настолько острым, как это казалось гуманистам и их

¹ Taylor H.O. Thought and Expression in the Sixteenth Century. New York, 1920.

² Хаскинс был советником президента США Вудро Вильсона во время Парижской конференции, в ходе которой и возникло название «Австрия». (Примеч. пер.)

современным последователям, а потому в Средневековье происходили интеллектуальные возрождения, влияние которых не было утрачено в последующие времена и которые носили тот же характер, что и более известное движение XV века. Одному из таких «возрождений» и посвящен данный труд — Ренессанс XII века, который также известен как Средневековый ренессанс.

Возрождение XII века, по-видимому, можно было бы трактовать так широко, чтобы охватить все изменения, через которые прошла Европа за сто с небольшим лет: с конца XI века до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году, а также события, которые открывают XIII век, — точно так же, как мы говорим об эпохе Возрождения в Италии более позднего времени. Но такой подход становится слишком широким и расплывчатым для любых целей, кроме исследования общей истории этого периода. С большей пользой мы могли бы применить этот термин к истории культуры столетия — окончательному этапу развития романского искусства и подъему готики, полному расцвету народной поэзии (и лирической, и эпической), новому образованию и новой литературе на латыни. Век начинается с расцвета соборных школ и завершается с появлением первых университетов, открытых в Салерно, Болонье, Париже, Монпелье и Оксфорде. Он стартует в общих рамках семи свободных искусств и завершается принятием римского и канонического права, признанием нового Аристотеля, новых Евклида и Птолемея, греческих и арабских медиков, что сделало возможными новую философию и новую науку. Это было возрождением латинских классиков, латинской прозы, латинской поэзии — как в классицизирующем стиле Хильдеберта, так и в новых стихах вагантов. Это было время формирования литургической драмы. Новый импульс в историописании отразил разнообразие и широту эпохи: появляются биографии, мемуары, королевские анналы, народная история и городские хроники. Библиотека около 1100 года располагала немногим больше, чем Библией и текстами латинских Отцов и их комментаторов эпохи Каролингов, церковными молитвенниками и множеством житий святых, учебниками Боэция и некоторых других авторов, небольшим количеством местных историй и, возможно, римских классиков, довольно часто покоившимися под слоем пыли. К 1200 году или чуть позже мы обнаружим не только множество искусно сделанных копий

этих древних сочинений, но и «Свод гражданского права» (*Corpus Juris Civilis*), классику, частично спасенную от забвения, «Свод канонического права» Грациана, тексты недавних пап, теологию Ансельма,

Петра Ломбардского и других ранних схоластов, сочинения святого Бернарда и прочих монашеских лидеров (добрая четверть из 217 томов Латинской патрологии [*Patrologia Latina*] относится к этому периоду), массу новых исторических, поэтических и эпистолярных произведений, трактаты по философии, математике и астрономии, неизвестные раннесредневековой традиции и заимствованные у греков и арабов в течение XII века. В это время появились великий эпос феодальной Франции и лучшие сочинения провансальской лирики, самые ранние произведения на средневерхненемецком языке. Романское искусство достигло своего расцвета, а новый, готический, стиль прочно утвердился в Париже, Шартре и других, меньших центрах Иль-де-Франса.

Обзор всей западноевропейской культуры XII века увел бы нас слишком далеко, а обобщающие труды по многим направлениям все еще отсутствуют. Ограниченный объем предлагаемой книги, как и наших знаний, принуждает нас оставить в стороне архитектуру и скульптуру столетия, а также ее литературу на новых языках — и сосредоточить внимание на латинских сочинениях эпохи и на том, какие аспекты жизни и мысли XII века они обнаруживают. Искусство и литература никогда не бывают полностью разделены; латинская и народная традиции, конечно же, не могут быть оторваны друг от друга, поскольку их линии развития, которые часто идут параллельно, постоянно пересекаются или сходятся. Это и убеждает нас, что совершенно невозможно сохранять между ними четкое разделение, которое когда-то решили считать границей между сочинениями ученых и неученых. Необходимо постоянно иметь в виду взаимопроникновение этих двух литератур. Тем не менее каждый из этих вопросов заслуживает отдельного обсуждения, и, поскольку обычно гораздо больше внимания уделяется народной литературе, нетрудно найти обоснование более конкретному обращению к латинскому ренессансу.

Нелегко установить и хронологические рамки. Века — это в лучшем случае удобные условности, которым нельзя позволять засорять или искажать наше историческое мышление: история не может оставаться историей, если она распилена на равные столетние отрезки.

Самое большее, что можно сказать, — это то, что конец XI века продемонстрировал множество признаков обновления жизни — политической, экономической, религиозной, интеллектуальной, — для которой, как и для возрождения римского права и возобновления интереса к классике, точные даты подобрать удается нечасто: если мы возьмем начало Первого крестового похода в 1096 году в качестве удобной отправной точки, то лишь осознавая, что это конкретное событие само по себе не имеет решающего значения для интеллектуальной истории и что реальные изменения начались на полстолетия раньше. Окончание нашего периода размыто еще сильнее. Однажды пробудившаяся интеллектуальная жизнь не затухает и не изменяет резко своего характера. Четырнадцатый век вырос из тринадцатого, как тринадцатый вырос из двенадцатого, так что не существует реального разрыва между Средневековым ренессансом и Кватроченто. Данте, как сказал один студент, «одной ногой стоит в Средневековье, а другой приветствует восходящую звезду Возрождения»! И даже если в литературе, искусстве и мысли около 1250 года легко можно распознать отпечаток XIII века, отличающегося от предыдущей более текучей и созидательной эпохи, никакого резкого разграничения между ними нет. Мы можем только отметить, что на рубеже веков падение Греческой империи, рецепция «нового» Аристотеля, победа логики над письмом, а также закат творческого периода в латинской и французской поэзии знаменуют переход, который мы не можем игнорировать, тогда как два поколения спустя новая наука и философия были упорядочены Альбертом Великим и Фомой Аквинским. К 1200 году Средневековый ренессанс развился в полной мере, а к 1250 году его сила почти иссякла. В таком выражении, как «Ренессанс XII века», слово «век» следует понимать очень свободно, чтобы мы могли охватить не только собственно XII столетие, но и непосредственно предшествующие ему и последующие годы, при этом делая акцент на центральном периоде, чтобы выявить выдающиеся особенности его культуры. Что касается движения в целом, мы действительно должны вернуться на пятьдесят или более лет назад и продвинуться почти на столько же вперед.

Более того, различные фазы этого движения не вполне синхронизированы, как и в более позднем Ренессансе не было полного параллелизма между возрождением классического образования, расцветом

итальянского искусства, открытиями Колумба и Коперника. Безусловно, возрождение латинской классики начинается в XI веке, если мы, конечно, не рассматриваем его как непрерывный процесс со времен Каролингов, в то время как сила нового гуманизма была в значительной степени исчерпана еще до окончания XII века. С другой стороны, новая наука не возникла раньше второй четверти XII века, но, однажды начав свое движение, она продолжила его в непрерывной последовательности в XIII веке, по крайней мере до тех пор, пока не было завершено усвоение греческих и арабских знаний. Возрождение философии, которое началось в XII веке, достигло своей кульминации в XIII столетии. Здесь, как и на протяжении всей истории, одна и та же дата не имеет одинакового значения во всех направлениях развития.

В отличие от Каролингского возрождения, Ренессанс XII века не был делом королевской династии или ее двора, и, в отличие от итальянского Ренессанса, он не обязан своим рождением ни одной стране. Если Италия и сыграла свою роль в том, что касается римского и канонического права и перевода текстов с греческого языка, то эта роль не была решающей в Ренессансе XII века, за исключением разве что области права. В целом наибольшее влияние оказала Франция, с ее монахами и философами, с ее соборными школами, кульминацией которых стал новый Парижский университет, с ее вагантами и народными поэтами, с ее центральным местом в новом готическом искусстве. Англия и Германия заслуживают внимания скорее как распространители культуры, пришедшей из Франции и Италии, чем как ее создатели; ведь по мере приближения к XIII веку эта эпоха для Германии становится периодом упадка, в то время как Англия, находясь в тесных отношениях с Францией, движется вперед в том, что касается как латинской, так и народной культуры. В свою очередь, Испания стала главным связующим звеном с ученостью мусульманского мира, и сами имена работавших здесь переводчиков отражают европейский характер нового стремления к знанию: Иоанн Севильский, Гуго из Сантальи, Платон из Тиволи, Герард Кремонский, Герман из Каринтии, Рудольф из Брюгге, Роберт Честерский и др. Христианская Испания стала проводником идей на Север.

Все эти имена, большая часть которых остается для нас всего лишь именами, говорят о том, что XII веку не хватает изобилия и

разнообразия ярких личностей, которыми богат итальянский Ренессанс. Выдающихся людей в XII веке относительно немного, о нем не сохранилось такого количества воспоминаний и писем. Наш период не может претендовать и на художественный интерес к портретной живописи. Искусство XII столетия богато и самобытно как в скульптуре, так и в архитектуре, но это искусство типов, а не индивидов. Этот век не оставил нам портретов ни ученых, ни литераторов, даже портретов правителей и прелатов крайне мало. Не дошло до нас и изображений лошадей, сравнимых с теми, что украшают дворец герцогов Гонзага в Мантуе³.

О предшествующих обстоятельствах, породивших это интеллектуальное возрождение, сложно говорить с какой-либо определенностью. XI век во многих отношениях темен, а X век — непонятен еще более, истоки интеллектуальных движений даже при самых благоприятных обстоятельствах проследить нелегко. Один из наиболее очевидных фактов конца XI века — быстрое развитие торговли, особенно в Италии, и, как следствие, оживление там городской жизни. Возникает соблазн провести параллель с экономическими и градостроительными предпосылками, которые современные авторы выделяют как объяснение итальянского Возрождения в XV веке. Но Ренессанс XII века не был сугубо итальянским, в действительности он был наиболее заметен к северу от Альп, где экономический подъем едва начинался, так что мы не можем объяснить динамику исключительно в терминах, столь близких к экономическому детерминизму. Наблюдался также определенный политический прогресс, как это видно на примере нормандских земель Англии и Сицилии, Каталонии, Франции в процессе феодальной консолидации; этот прогресс способствовал установлению относительного мира, развитию путешествий и налаживанию связей, которые лучше всего реализуются в мирном обществе. Все эти факторы имели значение как для Средиземноморья, так и в отношениях между Средиземноморьем и северными землями, в то время как процветающие феодальные и королевские дворы были, как мы увидим в

³ В мантуанском Палаццо дель Те есть Зал лошадей, на стенах которого Джулио Романо вместе с учениками в 1530-х годах изобразил в полный рост скакунов герцога Франческо II Гонзага. (*Примеч. пер.*)

следующей главе, центрами, отдающими предпочтение литературе как на латыни, так и на родном языке. Процветала, конечно, и церковь, так что и черное, и белое духовенство имело больше средств для путешествий, покупки и копирования рукописей и, соответственно, больше физических возможностей для обучения и научных занятий. Усиление папской монархии привлекало огромное количество клириков и мирян в Рим: его, как и другие паломнические центры, часто посещали толпы набожных странников, для которых написаны многие из «песен о деяниях» (*Chansons de gestes*). Кроме того, в памфлетах, посвященных борьбе за инвеституру, в последующих канонических сочинениях и, в целом, в более обширном и лучше организованном своде письменных источников любого рода нашло отражение более точное определение церковной системы.

В то время как общее оживление духа естественным образом сопровождало более активную жизнь этой эпохи, в некоторых случаях мы можем выявить и более конкретную взаимосвязь с интеллектуальным движением. Так, возрождение римского права в Италии около 1100 года было тесно связано с развитием экономических и социальных условий, к которым была применима улучшенная судебная практика. Формирование паломнической литературы сопровождало рост числа пилигримов, которые отправлялись в Рим и Компостелу. Переводы научных и философских сочинений с арабского зависели от христианской Реконквисты в Северной Испании, которая к 1085 году достигла Толедо, а к 1118-му — Сарагосы, открыв знания сарацинов христианским ученым с Севера, с энтузиазмом обратившим взоры на полуостров. Появлению переводов с греческого способствовали завоевание норманнами Сицилии и Южной Италии, а также торговые и дипломатические отношения, поддерживаемые с Константинополем и городами-республиками Северной Италии. Географическое положение Салерно, безусловно, способствовало его возвышению до доминирования в средневековой медицине. История приобретала все больший объем и разнообразие по мере того, как все более разнообразными и увлекательными становились действия. Истории о Крестовых походах нуждались в крестовосах задолго до историков!

Было время, когда сами Крестовые походы послужили бы исчерпывающим объяснением этого и любого другого изменения XII и

XIII веков. Разве эти «дорогостоящие и опасные походы» не укрепили (или не ослабили!) монархию, не возвысили папство, не расшатали феодализм, не создали города, не высвободили человеческий дух и, в целом, не открыли новую эру? Разве Гиббон, например, не заявляет, что обнищание баронов-крестоносцев «вырвало у этих гордецов хартии свободы, которые снимали путы рабства, защищали хозяйство крестьянина и мастерскую ремесленника и постепенно восстанавливали сущность и душу самой многочисленной и полезной части общества»? К несчастью для всех этих догадок и поверхностной риторики, сегодня историки различают Крестовые походы и эпоху Крестовых походов и отмечают, что они были только одним из этапов, причем не самым важным, в жизни динамичной эпохи. Они тесно сблизили Восток и Запад, стимулировали торговлю, развитие транспорта и денежное обращение, активизировали многие другие уже существовавшие тенденции, но их интеллектуальные последствия менее ощутимы и, вероятно, менее значительны. Гиббон справедливо заметил, что «пыл усердной любознательности пробудился в Европе по разным причинам», если не вовсе благодаря «недавним событиям»; а один современный автор заметил, что «человек может много путешествовать, но мало что видеть», так что «Людовик Святой, как нам его изображает Жан де Жуанвиль, или же сам Жуанвиль не изменились интеллектуально во время Крестовых походов»⁴. В любом случае Крестовые походы не подходят нам в качестве отправной точки латинского ренессанса, поскольку он начался задолго до Первого крестового похода и эти два движения почти не соприкасаются.

Теперь, когда мы исчерпали все подобные объяснения, как бы хороши или плохи они ни были, у нас остается только то, что уже не поддается методам непосредственного анализа. Ансельма, Абеляра, Ирнерия, Турольда (или того, кого мы захотим считать автором «Песни о Роланде»), Аделарда Батского в начале века, Фридриха II, Франциска Ассизского и великих схоластов конца того же столетия нельзя понять, исходя только из эпохи и окружения, а тем более наследственности, которую (за исключением, возможно, Фридриха II) мы не можем отследить. Подобного рода проявления индивидуального гения и смутные обобщения о том, что столь щедрая на события эпоха могла

⁴ Cambridge Medieval History. New York, 1926. Vol. V. P. 331.

бы настолько же щедро отразиться и на интеллектуальном развитии, по-прежнему оставляют место для дальнейших исследований по мере роста наших знаний. Такие изыскания особенно необходимо перенести в XI век, в этот смутный период зарождения, хранящий тайну нового движения, возникшего задолго до Крестовых походов и завоеваний, которые не могут служить его объяснением главным образом потому, что начались позже. Между тем мы можем до некоторой степени упростить проблему, вспомнив, что имеем дело скорее с активизацией интеллектуальной жизни, чем с новым творением, и что преемственность между IX и XII веками никогда не была полностью нарушена. Но если в целом справедливо, что «каждый новый век Средневековья, помимо наследования того, что было достигнуто в предшествующее ему время, пытался обратиться к далекому прошлому в поисках новых кровяниц»⁵, то XII век охватил и обрел еще больше.

Возрождение образования и литературы в IX веке, известное как Каролингский ренессанс, брало начало и развивалось при дворе Карла Великого и его непосредственных преемников. Первоначально ограничиваясь обеспечением достойного уровня образования среди франкского духовенства, это движение развило интерес к обучению как к самоцели, привлекая в Галлию ученых из Англии, Италии и Испании для обучения нового поколения, которое должно было продолжить их дело. Это было в большей степени возрождением, нежели рождением, — возрождением латинских Отцов, латинских классиков и латинского языка, который так много претерпел в недавно окончившиеся Темные века. Богословские трактаты IX века представляли собой компиляции трудов Отцов Церкви. Латинская проза и поэзия эпохи в основном обходились старыми сюжетами, хотя и ввели новые правила композиции для последующих времен. Движение скорее оберегало, чем порождало что-то новое. Тем не менее оно изменило письмо в Европе, изобретя каролингский минускул, который мы продолжаем использовать в качестве алфавита, а писцы той эпохи сохранили для современного мира классические латинские произведения, почти все из которых дошли до нас, прямо или косвенно, благодаря каролингским копиям. Были собраны библиотеки, а в таких мужах, как Луп Ферьерский и

⁵ Taylor H.O. Op. cit. Vol. I. P. VIII.

Иоанн Скот, проснулись гуманисты. Отныне латинский язык никогда не откатится до глубин эпохи Меровингов и европейское образование никогда не утратит великих достижений IX века.

Поскольку Каролингский ренессанс сосредоточился при дворе и в придворной школе, его завершение совпало с распадом Франкской империи в конце IX века, и он так и не оставил своих непосредственных выразителей при дворах наследовавших империю малых королевств. Официальные анналы заканчиваются 882 годом, «поток капитуляриев иссяк», и бдительные имперские командиры больше не обходили границы. К счастью, однако, Карл Великий настаивал на открытии школ при каждом монастыре и соборе, и именно в этих местных центрах в основном и процветала наука. Таковы великие аббатства в Туре и Фульде, Райхенау, Санкт-Галлен и Лорш, Флери и Сен-Рикье, Корби; школы открылись при соборах в Меце и Камбре, Реймсе, Осере и Шартре. С приобретенными под покровительством Каролингов богатством и льготами эти центры не имели никаких внутренних причин для прекращения преподавания или создания письменных памятников, но своим происхождением они были обязаны миру и порядку, установленным Карлом Великим, и разрушение таких оснований могло привести к их уничтожению. «Железный» X век стал настоящим испытанием на прочность. Это был век анархии и «закона силы», когда «никто не думал об общей защите или широкой организации: сильные возводили замки, слабые становились их слугами или находили убежище под капюшонами; правитель сделался графом, епископ или аббат усиливали хватку, превращая делегированную власть в независимую, а личную — в территориальную, и они едва ли принадлежали далеким и слабым сюзеренам»⁶. И то, что король или местный сеньор оставлял монастырю в теории, на практике он же мог себе вернуть в качестве светского аббата⁷. Если эти местные правители, которые, по крайней

⁶ Bryce J. The Holy Roman Empire. New York, 1909. P. 80.

⁷ В VIII–XI веках во Франкском королевстве была распространена практика назначения светских аббатов (*abbas laicus*, *abbas miles*). Доходы аббатства контролировались светским лицом, которого король назначал аббатом. Таким образом, представители светской власти получали доход от бенефициев монастыря, не осуществляя при этом церковных функций. Эта практика осуществлялась за счет права комменды (от лат. *commendatio* — «вверяю», «передаю») и первоначально позволяла священнослужителям временно занимать место аббата, пока того не назначили. (Примеч. пер.)

мере номинально, были христианами, еще могли относиться к церкви с определенным уважением, того же нельзя было ожидать от некрещеных захватчиков — сарацин, венгров и норманнов, которые наводнили Франкскую империю и нашли лакомую добычу в монастырях и соборах. Каждый год «блестела сталь язычников». В 846 году сарацины разграбили собор Святого Петра в Риме, в 843 году норманны убили епископа Нанта перед главным алтарем, в 854 году они сожгли базилику Святого Мартина в Туре, в 886 году от них с трудом откупился Париж. Целые области масштаба Фландрии, долины Мааса, Сены и Луары, будущая Нормандия подверглись опустошению. Монастыри Баварии пали под натиском венгров, монастыри Центральной Италии — под натиском сарацин. Многие величественные аббатства были полностью разрушены, спасавшиеся бегством монахи забирали с собой совсем немного книг и еще меньше учеников. Даже укрепленные епископские города подвергались той же участи.

На протяжении всего X века именно Германия лучше всех поддерживала каролингские традиции, так что период правления саксонских Оттонов немецкие историки любят называть «Оттоновским ренессансом». В то время как Франция и Италия переживали упадок, вызванный вторжениями и раздробленностью, Саксония пожинала плоды завоевания и христианизации ее Карлом Великим, включая монастыри и епископства новой веры. Возрождая империю, Оттон Великий следовал примеру Карла: он привлек итальянских грамматиков и богословов к укреплению интеллектуального течения, которому сам он и его брат Бруно, архиепископ Кельна, оказывали сильную поддержку. Такими «связующими звеньями» стали грамматик Стефан из Павии, богослов Ратерий, епископ Льежский и Веронский, поэт Лев из Верчелли, знаменитый Лиутпранд Кремонский, которого Оттон использовал в качестве своего посланника в Константинополь.

Когда же мы вступаем в XI век, германская культура уже не проявляет внутренней жизнеспособности. Конечно, некоторые императоры, например Генрих II, Генрих III и Генрих IV, получили достойное образование и проявляли интерес к науке, а латинская литература начала XI века могла похвастаться трактатом по канонистике Бурхарда Вормсского (ум. в 1025), текстами видений и искушений монаха Отлоха

Санкт-Эммерамского, школами Ноткера Льежского (ум. в 1008), переводами Ноткера Санкт-Галленского (ум. в 1022), а также значительным количеством анналов и жизнеописаний. Однако больше не существовало настоящего придворного учебного центра, а монастырские центры прежних времен приходили в упадок. Интеллектуальный прогресс в конце XI — XII веке происходил в Германии не столько изнутри, сколько посредством контактов с Италией и Францией. Отношения с Италией волей-неволей сохранялись благодаря возрождению империи Оттоном Великим, римским походам (*Römerzug*) за имперской короной, а также благодаря ученым и книгам, прибывавшим на Север вместе с императорской свитой, как в случае с рукописями, которые попали в собор Генриха II в Бамберге. Какими бы печальными ни были политические последствия образования Священной Римской империи для германских земель, результаты связей с Италией имели первостепенное значение для германской культуры. С Францией же отношения были совершенно иные — они сложились в основном из-за того, что германское духовенство обучалось в школах Северной Франции, а позже было связано с колонизаторской деятельностью аббатств Клуни и Сито, направленной на реформирование и расширение монашества в Германии. Такого рода связи хорошо известны в XII веке, но мы можем найти их и гораздо раньше: у епископа Гериберта Айхштеттского (1021–1042) мы читаем, что он презирал тех, «кто получил образование дома, а не в долине Рейна или Галлии»⁸. Однако нам следует остерегаться подчеркивания политических границ в эпоху, когда такие границы мало что значили. Кельн и Льеж, по-видимому, находились в более тесных интеллектуальных отношениях с Реймсом, Шартром и Флери, нежели с северной и восточной частями Королевства Германия.

В Италии возрождение культуры впервые проявилось на юге страны, в непосредственном контакте с греческим и мусульманским мирами. Южная Италия оставалась частью Византии вплоть до XI века, а после нормандского завоевания на этой территории, особенно в Калабрии, сохранились значительная часть греческих монастырей и грекоязычное население. Сицилия с 902 по 1091 год находилась под арабским господством, и многие греческие и арабские элементы

⁸ *Quoniam domi, non iuxta Rhenum seu in Gallia doctus erat.* Цит. по кн.: Wendehorst A. Das Bistum Eichstätt 1: Bishofsreihe Eichstätt bis 1535. Berlin / New York, 2006. S. 54. (Примеч. пер.)

культуры выжили здесь и при нормандских правителях. Оба этих региона поддерживали торговые отношения с Северной Африкой и Востоком, примером чему может служить город Амальфи, торговавший с Сирией и имевший собственный квартал в Константинополе. Мы уже видим предысторию блестящего двора Фридриха II за двести лет до его появления. Как бы то ни было, хотя такие влияния особенно нелегко проследить в этот ранний период, разумно предположить, что греческая и арабская цивилизации сыграли важную роль в латинском возрождении. Наиболее показательный пример — Константин Африканский (ок. 1015–1087), который осуществил переводы и адаптации важнейших медицинских сочинений. Правда, сам Константин — фигура загадочная, и исследователи, как правило, считают, что развитие медицины в Салерно началось еще до его переводов и было связано, скорее, с более ранней местной традицией. Конечно, сочинения Диоскорида и греческих врачей встречаются нам в рукописях из Беневенто еще в период между IX и XI веками, так что некоторые учения этих авторов были известны до Константина. Важной деталью для нашего исследования является то, что к XI веку Салерно стал главным медицинским центром в Европе. Хотя своей славой Салерно как школа полностью обязан медицине, есть некоторые свидетельства более ранней работы и в других направлениях. Архиепископ Альфан (1058–1085) проявил незаурядное мастерство в метрическом стихосложении на латыни, охватывающем самые разные темы, как светские, так и церковные, и указывающем на довольно близкое знакомство с римскими поэтами. Его имя также связывают с одной из версий греческого трактата «О природе человека» (*De natura hominis*) Немезия. С Монтекассино связаны имена историка Амата и математика Пандульфа из Капуи, здесь же Константин Африканский окончил свои дни, а монах Альберих написал первое руководство по новому искусству сочинения (*dictamen*). Позже у нас будет возможность более подробно рассказать о Монтекассино как о центре просвещения; здесь же необходимо только подчеркнуть его связь с возрождением образования в XI веке.

В Северной Италии это была эпоха возрождения римского права — в том смысле, что полный курс обучения основывался на тексте «Свода гражданского права». Каким бы ранним ни было влияние лангобардских законоведов и какие бы факты до нас ни доходили о

ранних римских школах, именно в 1076 году мы встречаем первое, спустя почти пять веков, упоминание «Дигест» и первого известного болонского преподавателя в лице Пепо, «прославленного и блистательного светоча Болоньи». Уже к концу века Болонья становится признанным лидером, а Ирнерий — ее признанным магистром. В двух других областях Италии этот период отмечен новыми произведениями, пользующимися большим влиянием. Это «Глоссарий» ломбардского лексикографа Папия (ок. 1050) и музыкальные произведения Гвидо из Ареццо, которые остаются значимыми, даже если их автору больше не приписывают введение современной системы музыкальной нотации. В целом Италия выступила достойно задолго до Крестовых походов!

Еще один факт, который следует отметить в Италии XI века, — это живучесть образования среди мирян. Не воспринимая слишком буквально строки германского историка Випо, согласно которым вся итальянская молодежь не вылезала из школ, мы можем увидеть здесь явные свидетельства устойчивости старых традиций светской культуры спустя еще долгое время после того, как они исчезли за Альпами. Итальянские миряне, говорит Ваттенбах, «читали Вергилия и Горация, хотя сами книг не писали»⁹. Если эта категория людей не выражала себя в литературе, она по крайней мере послужила почвой для светских профессий в области права и медицины, которые рано заняли заметное положение в итальянском обществе. Она также включала значительную группу нотариев, передававших от отца к сыну свои должности и сохранявших на протяжении Средневековья институт римских табеллионов¹⁰. Нотарии были очень важным элементом жизни итальянских городов, в которых они часто превращались в местных историков, а с экспансией римского права нотариат распространился на другие страны.

Если Италия была колыбелью права и медицины, то Франция лидировала в свободных искусствах и хорошо зарекомендовала себя в философии, теологии, латинской и народной поэзии. В какой степени влияние Италии в сфере образования, а также архитектуры и скульптуры

⁹ Wa *Ānba* *QW*. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Berlin, 1877. Bd. I. S. 252. (Примеч. пер.)

¹⁰ Табеллион (от лат. *tabellio*) — в Древнем Риме нотариий, частный писец, за плату составлявший для сторон необходимые письменные документы и заверявший их подлинность. (Примеч. пер.)

распространялось на Францию, остается неясным. Конечно, в Италии побывал Герберт, а Ланфранк из Павии привнес многие знания в нормандскую школу Ле-Бека, где его сменил другой итальянец, Ансельм из Аосты, но тем не менее мы должны быть осторожны, используя такие факты для обоснования общих выводов. Герберт побывал в Испании до того, как отправился в Италию, и неясно, создавалась ли его математика за пределами Галлии. Ланфранк по характеру был скорее юристом, чем теологом. Ансельм, настоящий теолог, не демонстрирует никаких явных связей с итальянскими мастерами. Во всех существенных отношениях французское образование XI века, по-видимому, укоренилось непосредственно в почве каролингской традиции.

Преемственность, пожалуй, наиболее очевидна в Реймсе, где Флододард к 966 году составляет очень ценные анналы, а Герберт начинает преподавать в соборной школе до 980 года. Учение Герберта охватывало весь спектр семи свободных наук, причем логики и риторики (с обилием классических примеров) — не в меньшей степени, чем математики и астрономии. Но современников изумляли его трактаты по арифметике и геометрии, а также то, что он использовал астрономические инструменты, которые, хоть и были простыми, казались им «почти божественными». С таким же энтузиазмом он собирал рукописи. Он был, как говорит Тейлор, «первым умом своего времени, его величайшим учителем, любознательнейшим учеником и самым универсальным ученым»¹¹. Его ученик Аббо, ставший аббатом Флери-сюр-Луар в 988 году, внес существенный вклад в развитие логики и астрономии в этом древнем центре каролингской культуры, от которого позже свои литературные традиции унаследовал Орлеан. Другим его учеником, вероятно, был Фульберт, ректор и с 1007 по 1029 год епископ Шартра, который с этого времени стал лучшей соборной школой. И действительно, еще в 991 году монах Рихер Реймский, влекомый изучением Гиппократ, составил любопытное описание путешествия в Шартр. Разносторонняя образованность Фульберта нашла яркое отражение в его стихах классического и более позднего ритма, в его объемной переписке, отличавшейся превосходным стилем, в письмах, касающихся медицины, канонического права и всевозможных вопросов современной политики. Влияние этого школьного «Сократа» иллюстрирует стихотворение

¹¹ Taylor H.O. *The Medieval Mind*. New York, 1925. Vol. I. P. 286.

одного из его учеников, Адельмана Льежского, а именно каролингская разновидность «плача» (*planctus*), в котором он оплакивает смерть своих бывших друзей по Шартрской школе: ректора Шартра Хильдегера и магистров Ральфа и Сиго, риторов Ламберта Парижского и Энгельберта Орлеанского, Регинвальда, учителя грамматики в Туре, паломника к Гробу Господню Жерара из Вердена и Вальтера из Бургундии, математика Регинвальда из Кельна и еще троих выпускников школы из Льежа. Это далеко не полный список учеников Фульберта, достигших значительных успехов, но он дает нам представление о большой и активной группе учителей и писателей, занятых в области свободных искусств в первой половине XI века, а также более конкретную информацию о математической традиции, которая перешла от Герберта к школам Лотарингии и Шартра и отражена в любопытной переписке между Регинвальдом из Кельна и Ральфом из Льежа, относящейся примерно к 1025 году. В середине века Франко Льежский занялся проблемой квадратуры круга, тем временем Герман, хромой монах из Райхенау, изучал астролябию, о которой узнал из арабских источников. Поколением позже лотарингские абакисты¹² поселились в Англии, где, вероятно, ввели абак в практику казначейства.

Диалектика, еще одно из свободных искусств, в этот период выдвигается на передний план, что предвещает ее более позднее распространение и начало острых схоластических споров. Беренгар Турский, один из самых блестящих учеников Фульберта, с 1049 года и до своей смерти в 1088 году вел споры с Ланфранком Бекским и целой школой консервативных теологов. Постоянно обсуждался вопрос о реальном Божественном присутствии в Святых Дарах. Метод Беренгара состоял в том, чтобы обратиться от авторитета к разуму или, как он это называет, к диалектике: «Есть доля смелости в том, чтобы прибегать к диалектике во всех делах, ибо обращение к диалектике — это обращение к разуму, и тот, кто не пользуется этим разумом, отказывается от своей главной чести, поскольку разумом он образ Божий». Немного позже Росцелин Компьеньский поднял вопрос универсалий, который стал центральной проблемой схоластических споров, а в 1092 году его

¹² Абакисты — представители направления в арифметике, которые предпочитали вести расчеты на абак. Подробнее см. в главе X. (Примеч. пер.)

номиналистическую доктрину осудил собор в Суассоне на том основании, что из неделимой Троицы он создает трех Богов.

В латинской поэзии XI век начинается с Фульберта Шартрского и заканчивается Хильдебертом Лаварденским, сочинения которого некоторые издатели Нового времени путали с античными классиками. Хотя влияние Каролингов очевидно, но все же новый стиль более богат и разнообразен, и потому он стал, пожалуй, самым характерным выражением своей эпохи. Многие из этой поэзии до сих пор не опубликовано. Ее темы самые разнообразные: богословие, жития святых, свойства растений и драгоценных камней, монастырские истории, такие события, как сожжение Сент-Амана в 1060 году, сатиры на современников, множество надписей (*tituli*) и эпитафий друзьям или покровителям. Долина Луары — важнейший центр поэзии, но распространялась она по всей Северной Франции и прилегающей Лотарингии. В конце века поэты этого направления появились в Англии в лице Реджинальда Кентерберийского и Годфрида Винчестерского.

Наконец, помимо деятельности, отразившейся в этих новых сочинениях, шло развитие библиотек и собраний древних авторов. В этом отношении X столетие было куда более плодотворным, нежели мы могли бы ожидать, о чем свидетельствуют разрозненные перечни манускриптов и особенно важных рукописей основных латинских классиков. XI век продолжил это направление и расширил его. Около 1000 года Оттон III в Италии имел доступ к Орозию, Персию, Титу Ливию, Фульгенцию, Исидору и Боэцию. Его преемник Генрих II привез множество рукописей на Север, в кафедральный собор в Бамберге. Епископы Бернвард (993–1022) и Годехард (1022–1038) собирали классику для соборной библиотеки в Хильдесхайме, как и аббат Фромунд для монастыря в Тегернзее. У нас есть длинный перечень рукописей, переписанных в Монтекассино. Обширная библиотека Флери сформировалась в XI столетии. Датировка таких рукописей в лучшем случае приблизительно, поскольку различия между манускриптами X и XI веков крайне незначительны, как, впрочем, и между манускриптами XI и XII столетий. В палеографии, как и в истории знания, одна эпоха сливается с другой.

Вот и все об истоках. Все подобные периоды — смутные, темные, привлекательные, однако очевидно, что новое движение вовсе не было внезапным или катастрофическим, оно уходит корнями далеко в

XI век и даже более раннее время. Столь же очевиден и другой факт. До сих пор мы имели дело с ренессансом римским, поскольку он предшествовал Крестовым походам, новым знаниям, пришедшим из Испании, трудам греческих переводчиков в Сицилии. За исключением адаптаций медицинских текстов Константина Африканского и уверенного использования астролябии, новое движение не имеет никакого отношения к арабской науке. Кроме нескольких агиографических сочинений и единственного трактата Немезия¹³, оно ничего не взяло напрямую из греческого наследия. Все это придет в свое время в XII веке. А до тех пор Ренессанс — это латинское движение, возрождение римского права, латинских классиков, латинской поэзии, философии и теологии, восходящей к Боэцию и латинским Отцам. Каждую из этих тем мы проследим отдельно на протяжении всего XII века. Пока что нам необходимо получить некоторое представление об основных интеллектуальных центрах и их взаимосвязях, а также о библиотеках и рукописях, которые содержали знания и литературу этой эпохи.

Библиографическая справка

Обобщающей работы по интеллектуальной жизни в XII веке не существует. Различные краткие характеристики этого периода приведены в книге L.J. Paetow “Guide to the Study of Medieval History”, с. 384–385 (Беркли, 1917), которая особенно подробно описывает интеллектуальный контекст XII и XIII веков и будет полезна всем изучающим Средневековье. “*e Medieval Mind*” Н.О. Taylor (четвертое издание, Нью-Йорк и Лондон, 1925) — не менее полезный источник, в котором дан хороший очерк обо всем XI веке, но фактически не затрагивается век XII. “*Illustrations of the History of Medieval thought and Learning*” R.L. Poole (второе издание, Лондон, 1920) содержит несколько превосходных глав, относящихся к рассматриваемому периоду. Для общего ознакомления можно рекомендовать пятый том “*Cambridge Medieval History*” (Кембридж, 1926) с его полной библиографией. Обычно общие исторические труды мало что проясняют в вопросах, касающихся интеллектуальной

¹³ Имеется в виду трактат неоплатоника конца IV века Немезия Эмесского «О природе человека», переведенный в XI веке на латынь Альфаном Салернским. *Немезий Эмесский. О природе человека* / пер. с греч. Ф.С. Владимирского. М.: Канон+, 2011. (Примеч. пер.)

истории. Более ценны труды по истории Церкви, энциклопедии и биографические словари.

Многое из того, что служит нашей цели, можно почерпнуть в трудах по истории латинской литературы. К сожалению, лучший из них и имеющий ценность в рамках данной главы — “Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters” М. Manitius (Мюнхен, 1911–1923) с полной библиографией — не продвинулся дальше 1050 года, тогда как ценнейший обзор покойного F. Novati “Le origini” (Милан, без даты) в совместной “Storia letteraria d’Italia” также доводит нас лишь до XI века. У Novati см. также “L’influsso del pensiero latino sopra la civiltà italiana del medio evo” (Милан, 1897) и статью о франко-итальянских литературных отношениях в XI веке в “Comptes-rendus de l’Académie des Inscriptions”, с. 169–184 (1910). Обзор G. Gröber “Übersicht über die lateinische Literatur von der Mitte des . Jahrhunderts bis ” в его “Grundriss der romanischen Philologie”, том II, часть I (Страсбург, 1902) охватывает все периоды и страны. История французской литературы богата на латинских авторов, но, к сожалению, большинство статей об интересующем нас периоде устарели. Прекрасные тома Ch.V. Langlois “La vie en France au moyen âge” (новое издание, Париж, 1924) касаются как интеллектуальной, так и социальной истории, причем основаны они на народной литературе. Дает пищу для размышлений и “The Legacy of the Middle Ages”, изданная C.G. Crump и E.F. Jacob (Оксфорд, 1926) и рассматривающая позднее Средневековье.

Не следует забывать, что, хотя авторы XII века в значительной степени представлены в крупных публикациях исторических, литературных и богословских текстов, многие их сочинения все еще не опубликованы и многие проблемы все еще требуют более пристального изучения и монографических исследований. Единого руководства по этому новому материалу, как представляется, нет. Вероятно, наиболее полезной является текущая библиография церковной истории в “Revue d’histoire ecclésiastique”, издаваемая в Левене.

Хаскинс, Чарльз

Ренессанс XII века [Текст] / пер. с англ. К. В. Главатских, И. С. Мажаева, Д. Д. Лихачёвой, А. С. Амосовой ; под общ. ред. К. В. Главатских, И. С. Мажаева ; под науч. ред. О. С. Воскобойникова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 304 с. — (Polystoria). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2714-6 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4095-4 (e-book).

Книга одного из основателей американской медиевистики Чарльза Хаскина, впервые переведенная на русский язык, — не просто классическое исследование по истории средневековой культуры. Именно в ней 100 лет назад в мировую науку было введено понятие «Ренессанс XII века». И именно здесь впервые на широком материале показаны корни новой европейской культуры.

Издание предназначено для историков, литературоведов, историков философии, искусства, всех интересующихся Средневековьем.

УДК 94(4)

ББК 63.3(4)4

Haskins, Charles H.

The Renaissance of the Twelfth Century / transl. by Kirill Glavatskikh, Ivan Mazhaev, Daria Likhacheva, Alena Amosova; ed. by Kirill Glavatskikh and Ivan Mazhaev; scientific editor Oleg Voskoboynikov; HSE University. — Moscow: HSE Publishing House, 2025. — 304 pp. — (Polystoria). — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2714-6 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-4095-4 (e-book).

The book by Charles Haskins, one of the founders of medieval studies in the USA, translated into Russian for the first time, is not just a classic study of the history of medieval culture. It was in this book that the concept of ‘Renaissance of the 12th century’ was introduced. And it is here that the roots of the new European culture are shown for the first time.

The book is intended for historians, literary critics, historians of philosophy, art, and all those interested in the Middle Ages.